

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ И ЭПОХАХ

1937

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР

К СУРОВОМУ СУДУ ПРАВЫХ ОТЩЕПЕНЦЕВ—
ПРЕДАТЕЛЕЙ И ИЗМЕННИКОВ РОДИНЫ!

АНДРЕЙ СУЛЬДИН

ХРОНИКА ОДНОГО ГОДА

История в лицах и эпохах

Андрей Сульдин

**1937. Большой террор.
Хроника одного года**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 94(47+57)"1937"
ББК 63.3(2)62

Сульдин А. В.

1937. Большой террор. Хроника одного года / А. В. Сульдин —
«Издательство АСТ», 2022 — (История в лицах и эпохах)

ISBN 978-5-17-102334-8

Рассказать обо всех жертвах сталинского режима - невозможно. По самым осторожным оценкам, уже в январе 1937 года в тюрьмах и лагерях находилось 5 миллионов человек. Между январём 1937 и декабрём 1938 года было арестовано около 7 миллионов человек, расстреляно около 1 миллиона, умерло в заключении около 2 миллионов человек. Миллионы граждан СССР, в большинстве своём - невинные, искренне желавшие благоденствия своей стране стали жертвами сфабрикованных процессов и абсурдных обвинений. В этой книге, созданной на основе уникальных архивных материалов день за днем прослеживается работа механизма террора, жертвами которого вскоре станут и обвинители. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47+57)"1937"

ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-17-102334-8

© Сульдин А. В., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Часть I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Андрей Сульдин

1937. Большой террор. Хроника одного года

Фотоматериалы предоставлены ФГУП МИА «Россия сегодня»

© Анатолий Гаранин / РИА Новости

© Иван Шагин / РИА Новости

© РИА Новости

© ООО «Издательство АСТ», 2022

В этой книге совсем нет фантастики. И Альтернативной Истории нет. Потому что альтернативы в 1937-м уже не было. Она запоздала лет на десять. Но читать эту книгу не менее страшно, чем самый жуткий ужастик. Страшно, но надо.

Автор не касается успехов в промышленности и экономике, достижений в науке, фантастических перелетов Чкалова, мировых рекордов советских дирижаблей, достижений в науке, других важных событий в жизни страны. А сконцентрировал свое внимание исключительно на 1937 годе и судьбах и чаяниях известных в свое время людей. Которых просто ломали через колено. Так всегда бывает, когда группка преступных единомышленников захватывает власть, наплевав на Конституцию, законы, нормы, традиции. Исподволь пестуя свое окружение, вождь довел страну до того, что в ней стало учитываться только одно мнение. Его мнение. Расправившись с оппонентами, собрал вокруг себя стаю «волков», которые приняли Его правила «игры» и не за какие-то мизерные блага, а за страх рвали всех подряд своими острыми клыками. Ибо несменяемость власти рождает ложное чувство собственной исключительности и безнаказанности. И самое интересное, что личной выгоды или какого-либо безудержного обогащения эти люди не искали. Им этого не позволял вождь. Да и они искренне верили, что железной рукой

можно загнать народ в счастливое будущее. И ничего, что щепки летят, когда лес рубят. Главное – работа спорится!

Некоторые историки сейчас истово доказывают, что репрессии не имели такого жуткого масштаба. Для подтверждения этих слов берутся цифры пострадавших от чисток людей и делятся на все годы советской власти. Получается, вроде, немного: всего сто тысяч в год. Но ведь за каждой судьбой стоит целая вселенная чувств, мыслей, дел и стремлений. Судьбы их семей и детей. И сколько они не совершили полезного для родной страны! А потом, кто определил: сто тысяч это много или мало? А если именно ваши родные попали в это число? И почему-то забывают, что 83 процента из общего числа пострадали именно в годы Больших репрессий. Людей жестоко пытали не для того, чтобы узнать какую-то страшную правду, а чтобы они просто максимально оклеветали себя.

Появилось и мнение, что Сталин пытался ликвидировать саму возможность «пятой колонны» на случай войны с Германией. Что, изучалось общественное мнение? И это была расплата за мысли? И можно подумать, что в планах Гитлера не было задачи уничтожения «недоразвитых» славян и освобождения земель для третьего рейха.

Мама автора этой книги до войны проживала в Ленинграде на улице Глазовой, 4. В их квартире жили 6 семей. И в четырех жены не дождались мужей, сгинувших без следа. Вот вам и вся статистика. Конечно, рассказать обо всех жертвах сталинского режима – невозможно. Имя им – миллионы граждан СССР. В подавляющем большинстве своем – невинных, искренне желавших благоденствия своей Родине.

Часть I

Январь – март 1937 года

1 января 1937 года:

Начался страшный 1937 год, который, вместе с 1938-м, традиционно считается годом «большого террора», хотя репрессии начались задолго до него и продолжались многие годы после. По самым осторожным оценкам, уже в январе 1937 года в тюрьмах и лагерях находилось 5 миллионов человек. Между январем 1937 и декабрем 1938 года было арестовано около 7 миллионов человек, расстреляно около 1 миллиона, умерло в заключении около 2 миллионов человек.

Новый 1937

«Правда» 1 января открылась передовой «Нас ведет великий кормчий». Статья заканчивалась красноречивым панегириком: «Советский корабль хорошо оснащен и хорошо вооружен. Ему не страшны штормы. Он идет по своему курсу. Его корпус сооружен гениальным строителем для борьбы со враждебной стихией в эпоху войн и пролетарских революций. Его ведет гениальный кормчий Сталин». Здесь же на первой полосе был помещен огромный портрет вождя, возвышающегося над людским морем. Кто-то в этом «море» нес и небольшой портрет Ленина.

5 января 1937 года:

Арестован Василий Владимирович **Шмидт**, большевик с 1905 года, участник Октябрьской революции, нарком труда РСФСР/СССР в 1918–1928 годах, переведенный в 1933 году в Хабаровск: сначала на должность заведующего краевым коммунальным отделом, затем – пред-

седателя Хабаровского горсовета. В июне 1937 года Шмидта приговорили к 10 годам лишения свободы, а через год – к расстрелу.

6 января 1937 года:

В СССР в 00.00 6 января завершилась всесоюзная перепись населения. С начала января почти миллион проверенных счетчиков начал предварительный поголовный обход населения, готовясь к ночи с 5 на 6 января, когда должен был быть учтен каждый человек. 5 января в 23.00 счетчики пошли по вагонам всех поездов. Ровно в полночь начали опрос в залах ожидания на всех станциях. А с утра вновь обошли все квартиры с вопросом, не ночевал ли кто. К переписи готовились с апреля 1936 года, твердили: пройти перепись – это долг советского человека. Граждане вели себя сознательно и дисциплинированно, с готовностью докладывая о выехавших в другой город или деревню, о ночевавших гостях. 7 января газеты и радио сообщили, что перепись прошла успешно. Предварительные итоги должны были обнародовать 10 января, а к 10 февраля опубликовать окончательные данные. Но прошло 10 января, затем 10 февраля, однако ни местные, ни центральные газеты не сообщили итогов переписи. Лишь 25 сентября громыхнуло постановление Совнаркома, где перепись была признана «неудовлетворительной» и осуждена за «грубейшие нарушения элементарных основ статистической науки». На январь 1939 года была назначена новая перепись.

Антонов-Овсенко с женой Розалией и детьми в Праге на дипломатической работе, 1925 год

Чем же не угодила перепись нашему руководству? Поскольку данные той переписи до сих пор так и не обнародованы, то можно предположить следующее. В советских статистических справочниках в 1970-е годы появилась такая цифра: на 1 января 1937 года в стране проживало 165,7 миллиона человек (кстати, перед выборами в декабре 1937 года во всех речах и газетах упоминалась цифра в 170 миллионов человек). Весьма профессиональная и тщательная перепись декабря 1926 года показала, что в стране проживало 147 миллионов человек. По расчетам статистиков и демографов, население страны к 1937 году должно было возрасти до 180

миллионов человек. Однако прогноз не оправдался. А.В. Антонов-Овсеенко, сын расстрелянного крупного партийного деятеля В.А. Антонова-Овсеенко, в своей книге «Портрет тирана», ссылаясь на устные свидетельства немногих уцелевших работников Центрального управления народнохозяйственного учета при Госплане СССР, назвал итоговую цифру переписи 1937 года – 156 миллионов человек (по свидетельствам современников, в 1937 году в НКВД говорили, что численность населения оказалась всего 147 миллионов).

Но примем за основу официальные советские данные и данные А.В. Антонова-Овсеенко – 165,7 миллиона человек и 156 миллионов. Если учесть, что счетчики, в соответствии с полученными указаниями, не переписывали лиц, предъявлявших удостоверения военного командования или органов НКВД (они подлежали переписи в особом порядке), и, разумеется, не переписывали тех, кто сидел в тюрьмах и лагерях или жил в спецпоселках, то получается, что в стране не досчитались, по меньшей мере, 8 миллионов человек.

Куда они исчезли? Первый вариант: 8 миллионов – это РККА+НКВД+ГУЛАГ. Второй вариант: возможно, страна вступила в 1937 год, уже имея 8-миллионный ГУЛАГ, и именно эту цифру в 1970-е годы Центральному статистическому управлению разрешили под строжайшим секретом прибавить к итоговой цифре 1937 года. Однако нельзя игнорировать и прогнозируемую цифру – 180 миллионов. В конце концов, сколько заключенных было в СССР, Сталин, несомненно, знал, и не стоило особого труда просто приплюсовать эти 8 миллионов к итоговым цифрам, а в газетных отчетах «разбросать» их по всем городам и весям. Но «пропажа» еще 14 миллионов человек – видимо, столько стоили стране коллективизация, голод 1932–1933 годов и начавшиеся расстрелы – могла поразить даже Сталина. Кроме этого, в опросных листах переписи содержались вопросы об образовании, об отношении к религии. До января 1937 года все газеты трубили о том, что перепись демонстрирует «всему миру языком точных цифр величайшие победы социализма».

Доподлинно известно, что в январе 1937 года 57 (!) процентов населения страны открыто признали себя верующими. Сколько неграмотных выявила перепись 1937 года, мы не знаем. Перепись 1939 года показала, что в стране было всего 15,9 миллиона человек, получивших высшее и среднее (полное и неполное) образование, а на тысячу населения в возрасте 10 лет и старше таковых было всего 108 человек. Эти данные плюс «пропажа» многих миллионов, видимо, и побудили назвать перепись 1937 года «вредительской», а ее руководителей и организаторов – расстрелять.

8 января 1937 года:

Писателя Галину **Серебрякову** привезли из больницы в Бутырскую тюрьму, сорвали с нее одежду и бросили в темный ледяной карцер. После ареста мужа – Григория Сокольников – в июле 1936 года ее исключили из партии, но еще не арестовали, а каждую ночь возили на допросы на Лубянку, где нарком НКВД Ягода и его заместитель Агранов требовали от нее лжесвидетельствовать против собственного мужа. На одном из допросов Серебряковой передали записку от Григория Яковлевича. Раскрыв бумажку, она хотела вернуть ее назад, не узнав какой-то странный, детский почерк. И все же это писал Сокольников: «Галя, я не вернусь. Ты должна подумать, как построить отныне свою жизнь». Доведенную до тяжелого психического расстройства, пытавшуюся покончить с собой, Серебрякову поместили в буйное отделение психиатрической больницы имени Кащенко. В бутырском карцере она провела 10 суток, отказываясь от пищи и воды. Обессиленная, лежа на цементном полу, испытывая физические страдания от язв, покрывших тело, от холода, она мечтала только о смерти. Как-то ночью сквозь волчок на нее упал свет и за дверью раздался дикий мужской крик. Если ее показывали Сокольникову, то можно представить, что пережил он, увидев жену в каменной яме.

Через две недели на процессе никогда не существовавшего «Параллельного антисоветского троцкистского центра» Сокольников дал все нужные показания, поверив, наверное, что

от этого будет зависеть освобождение жены. Мать Серебряковой заставили на Лубянке под диктовку написать ему, что Галина Иосифовна дома, вполне счастлива, а книги ее печатаются. Серебрякову вскоре действительно освободили, но очень ненадолго.

10 января 1937 года:

Через полтора часа после вынесения приговора расстрелян единственный большевик, вступивший в открытую борьбу со Сталиным, 46-летний Мартемьян Никитич **Рютин** (1890–1937), кандидат в члены ЦК ВКП(б) (1927–1930), член Президиума ВСНХ СССР (1930). Он прославился своим рукописным обращением «Ко всем членам ВКП(б)» (1930), в котором обвинил Иосифа Сталина в извращении ленинизма и узурпации власти. Столкнувшись с непреклонностью Рютина, Сталин отказался от попыток «пропустить» его через открытый политический процесс. На закрытом суде Рютин от дачи каких-либо показаний отказался и был признан виновным в том, что на протяжении нескольких лет проводил активную борьбу против руководства ВКП(б) и являлся главой созданной им контрреволюционной организации – так называемого «Союза марксистов-ленинцев». Вскоре погибли его жена и двое детей.

* * *

После закрытого суда расстрелян видный большевик 44-летний Ивар Тенисович **Смилга** (1892–1937). Он был членом ЦК РСДРП/РКП(б) (1917–1920), во время Гражданской войны командовал армией и фронтом, по ее окончании стал крупным хозяйственным руководителем, входившим в «левую оппозицию». По словам Молотова, Смилга на следствии заявил «Я – ваш враг».

* * *

Расстрелян один из создателей комсомола, 34-летний Лазарь Абрамович **Щацкий** (1902–1937), участник борьбы за установление советской власти в Москве, красный боец Гражданской войны, член партии с 1917 года, один из организаторов Московского комитета комсомола. Член ЦК (1918–1922), 1-й секретарь (1920–1921) ЦК РКСМ и одновременно 1-й секретарь исполкома Коммунистического интернационала молодежи (КИМ, 1919–1921). Член ЦК ВЛКСМ (1926–1928) и ЦК ВКП(б) (1927–30). В 1930 году «за фракционную деятельность» был выведен из партийных органов.

20 января 1937 года:

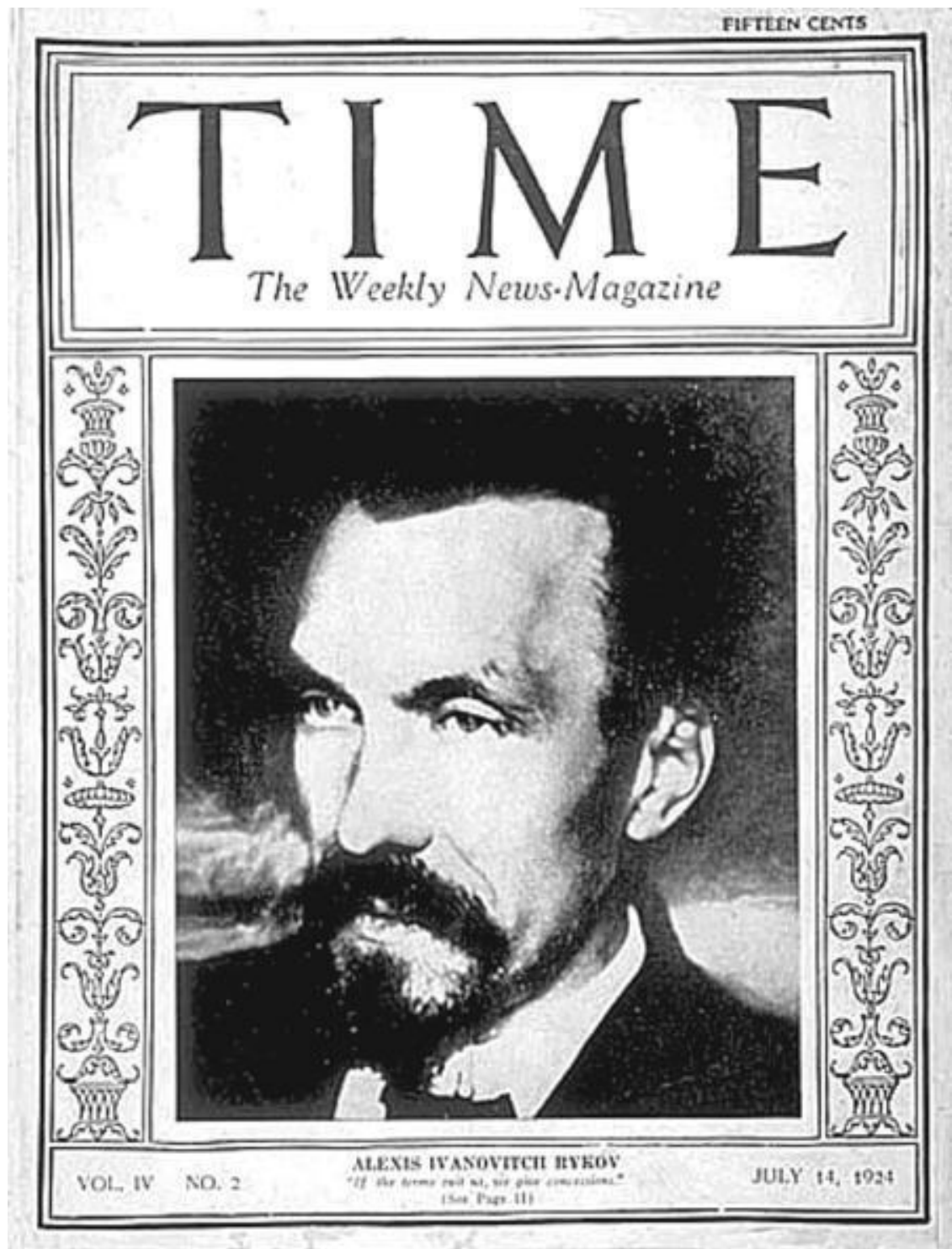
Нарком НКВД Н.И. Ежов подписал секретный указ, которым предписывалось во всех актах расстрела мест захоронения не указывать.

23 января 1937 года:

В Москве начался (23–30 января) восьмидневный открытый политический судебный процесс по делу придуманного чекистами «Параллельного антисоветского троцкистского центра», по которому проходили 17 обвиняемых, в числе которых были такие крупнейшие партийные деятели, как Юрий (Георгий) **Пятаков**, Григорий **Сокольников**, Карл **Радек**, Леонид **Серебряков**, Николай **Муралов**. Первым давал показания Пятаков. Он принял на себя ответственность за организацию вредительства на производстве: составление «совершенно неправильного плана развития военно-химической промышленности», ввод в эксплуатацию «негодных коксовых печей». Обвинение в шпионской деятельности Пятаков признал в самой общей форме, на конкретные же вопросы отвечал твердо «нет» за единственным исключением: он очень охотно и подробно рассказывал о своей встрече с Львом Седовым (сыном Троцкого) в

Осло в декабре 1935 года. И тут случился конфуз: норвежская пресса уже 25 января сообщила, что, согласно документам, ни один самолет гражданской авиации в декабре 1935 года на указанный Пятаковым аэродром не приземлялся. Однако обвинение это не смутило. 27 января Вышинский, упомянув эту публикацию, зачитал официальную справку НКВД: «Консульский отдел Народного комиссариата иностранных дел доводит до сведения прокурора СССР, что, согласно полученной полпредством СССР в Норвегии официальной справке, аэродром в Хеллере, около Осло, принимает круглый год, согласно международных правил, аэропланы других стран, и что прилет и отлет аэропланов возможны и в зимние месяцы». Таким образом, НКВД «удостоверил» не факт нелегального прилета Пятакова, а просто техническую возможность такого полета.

Уже в первый день процесса была упомянута группа «заговорщиков» во главе с Бухариным, Рыковым и Томским. Все обвиняемые признались в инкриминировавшихся им преступлениях; Зиновьева и Каменева Сталин взял обманом, Пятакова и его «подельцев» – пытками.

Рыков на обложке журнала Time от 14 июля 1924 года

Все советские газеты сразу после начала процесса запестрели заголовками: «Шпионы и убийцы», «Торговцы Родиной», «Троцкист – вредитель – диверсант – шпион», «Подлейшие из подлых».

Поэт Виктор Гусев писал:

*... Родина!
Видишь, как мерзок враг.
Неистовый враг*

*заводов и пашен,
Как он подбирался
с ножом в руках
К сердцам возжей,
а значит – и к нашим...
Суд окончит свои заседания.
Огни погасит судебный зал.
В конце их
гнутого существования
Волей народа
раздастся
залп.*

Истории, охватившей весь Союз, поддались даже отнюдь не глупые люди. Через месяц после окончания процесса Мария Анисимовна **Сванидзе**, жена брата первой жены Сталина, интеллигентная женщина, хорошо знакомая с основными обвиняемыми, записала в дневнике: «Душа пылает гневом и ненавистью, их казнь не удовлетворяет меня. Хотелось бы их пытать, колесовать, сжигать за все мерзости, содеянные ими. Торговцы родиной, присосавшийся к партии сброд. И сколько их. Ах, они готовили жуткий конец нашему строю, они хотели уничтожить все завоевания революции, они хотели умертвить наших мужей и сыновей. Они убили Кирова, и они убили Серго¹. Серго умер 18 февраля, убитый низостью Пятакова и его приспешников»².

24 января 1937 года:

На второй день московского процесса «Параллельного антисоветского троцкистского центра» устроил яркое представление Карл Радек. В то время как другие обвиняемые говорили вяло и угрюмо, Карл Бернгардович, который, как стало доподлинно известно уже в наше время, принимал активное участие в разработке сценария всего этого дела, красочно и со вкусом произнес целую речь о троцкизме, перечислил целый ряд новых террористических групп, возвел обвинение на Николая Бухарина и стал наиболее полезным для суда и убедительным обвиняемым. Однако когда Вышинский, любивший задавать обвиняемым неожиданные вопросы и выворачивавший ответы наизнанку, попробовал проделать то же и с Радеком, то получил несколько острых отповедей (Радек позволял еще себе язвить: «Вы глубокий знаток человеческих душ, но я, тем не менее, изложу мои мысли собственными словами»). На вопрос Вышинского: «Вы это приняли? И вы вели этот разговор?» Радек парировал: «Вы это узнали от меня, значит, я и вел этот разговор». Вышинский напомнил Радеку, что тот не только не донес о заговоре, но также отказывался давать показания в течение трех месяцев, и спросил: «Не ставит ли это под сомнение то, что вы сказали относительно ваших колебаний и дурных предчувствий?» В ответ Карл Бернгардович указал на слабейший пункт всего дела: «Да, если вы игнорируете тот факт, что узнали о программе и об инструкциях Троцкого только от меня, – тогда, конечно, это бросает сомнение на то, что я сказал... Все прочие показания других обвиняемых покоятся на наших³ показаниях. Если вы имеете дело с чистыми уголовниками, то на чем вы можете базировать вашу уверенность, что то, что мы сказали, есть правда, незыблемая правда?» Вопрос остался без ответа; председательствующий поспешил объявить перерыв.

¹ Орджоникидзе.

² Как известно, обстоятельства убийства Кирова и самоубийства Орджоникидзе полны загадок и несоответствий, которые наводят на мысли о том, что оба они были убиты по приказу Сталина. Сама Мария Анисимовна и ее муж будут расстреляны – разумеется, не троцкистами, их сын попал в лагерь.

³ Радека и Пятакова.

* * *

В дни московского процесса (как, впрочем, и до, и после него) НКВД продолжал трудиться, не покладая рук, выискивая все новых контрреволюционеров и троцкистов. Чтобы понять, какая была атмосфера в стране, какая логика двигала следователями и что вообще считалось контрреволюционным преступлением, приведем частный пример. 24–26 января шел допрос арестованного историка-марксиста Н.Н. **Ванага**. Следователь сказал: «Следствию известно, что на историческом участке теоретического фронта вы и другие историки-троцкисты протаскивали в своих трудах троцкистскую контрабанду. Надо полагать, что этого обстоятельства вы не будете теперь отрицать на следствии?» Историк не отрицал, более того, он полностью признал свою вину в «протаскивании контрабанды, угрожающей социалистическому строю», которая заключалась в следующем: «Исключительное подчеркивание отсталости капиталистического развития России, отрицание относительной прогрессивности таких факторов, как реформа 1861 года... Сознательное игнорирование истории отдельных народов СССР, входивших ранее в состав Российской империи... В проспекте и в учебнике по истории СССР я сознательно идеализировал народническую борьбу с царизмом...» За это, а также за «подчеркивание организованности, целеустремленности и силы отдельных крестьянских движений и отдельных крестьянских бунтов» (разумеется, в царской России) Ванага 8 марта 1937 года расстреляли.

26 января 1937 года:

Газета «Правда»:

Озверевшие подлецы

Нет пощады изменникам нашей дорогой родины. Озверевшие подлецы, предатели хотели разорвать ее на куски и отдать фашистам. Они готовили террористические акты над нашими дорогими вождями, лучшими сынами нашей родины. Нет слов, чтобы выразить громадную ненависть к троцкистским преступникам.

Б троцкистской банде должна быть применена высшая мера наказания, и я надеюсь, что Верховный суд скажет свое грозное слово.

**Народная артистка Союза ССР
М. М. БЛОМЕНТАЛЬ-ТАМАРИНА.**

Великий патриотизм и великая ненависть

(Фабрика «Ява», Москва)

Давно на «Яве» не было такого бурного, взволнованного, многолюдного собрания. Речь шла о самом святом и драгоценном — о счастье и чести родины. Тем временем в трех километрах от фабрики, в зале Дома союзов, шло другое заседание: Верховный суд судил банду гнусных предателей...

— Я задушила бы этих троцкистских зверей собственными руками, — говорила сортировщица Грибова. — Мы горячо любим свою родину, свой народ, свою партию, своего Сталина. Это — самое святое, что есть у нас... Нас не собьешь с великого ленинского пути. Пусть знают подлые изменники: рабочие и весь трудовой народ ненавидят их лютой ненавистью.

Смольникова, оставив своих детей на попечение зала, взойшла на трибуну, и голос ее задрожал от гнева и волнения:

— Наши дети видят хорошую жизнь. Для них делается все, чтобы они были счастливы. Ну, разве дадим мы фашистско-троцкистской погани марать нашу землю? Разве для этого наши мужья и братья проливали кровь на фронтах? Создан СССР — могучая наша страна! Кто смеет торговать родиной? Иуда-Троцкий! У него нет родины, он проклят нами, пусть же погибнет, как собака!

Механик гильзового цеха Жуков сказал:

— Троцкий и его приказчики отдавали немцам Украину, японцам — Приморье.

Им разве жаль? Они продались капиталистам-фашистам и готовы всей душой служить им. Ну что же! Ответ может быть один: за измену родине — смерть!

Старая работница Любкина говорила, задыхаясь и негодуя:

— Нельзя спокойно говорить. Ведь какая же сволочь!.. 19 лет назад мы свалили кровопийц-хозяев... А они... Опять их нам на шею...

Молодая работница Терехова первый раз в своей жизни держала такую большую речь.

— Вы смотрите, Троцкий делит нашу страну, как свои деньги: вот это — тебе, а это — тебе. Видали?! Мой отец погиб на фронте, мои братья стали инвалидами, защищая свой народ и революцию, а этот Иуда торгует, как лавочник. Кровью моего отца торгует! Кто же это им позволит?! Они травили рабочих-стахановцев, они убивали красноармейцев, они убили дорогого Сергея Мироновича, они хотели убить нашего Сталина, нашего Молотова. Прямо скажу: мы, работницы, разорвем на куски всех, кто попытается отнять у нас наших вождей...

Когда рабочий Вимбрадзе зачитал резолюцию и произнес гневные слова: «расстрелять предателей всех до одного!», — зал ответил громом аплодисментов.

Н. КРУЖНОВ.

ИЗМЕННИКИ РОДИНЫ

Процесс запасного или параллельного антисоветского троцкистского центра будит во мне противоречивые чувства. С одной стороны, нет слов для того, чтобы выразить ужас и омерзение, ужас за то, что было бы со всеми нашими прекрасными начинаниями, со счастливой жизнью советских народов, если бы изменникам родины хоть что-либо удалось. С другой стороны — радость по поводу того, что шайка Троцкого попала раньше, чем успела привести в исполнение свои адские замыслы.

Не мудрено, что некоторое средневропейское государство собиралось нас завоевать. Им, повидимому, троцкисты посулили выдать нас связанными и лишенны-

ми возможности сопротивляться, а там не могли отличить преступного лганья и бахвальства от реальных возможностей. Долой ворыстных и подлых поджигателей войны, всех до последнего! Не место им на земле.

Преступники сами говорят, что мы против них, что мы «под гипнозом строительства». Нет, мы не под гипнозом, а все, как один, охвачены энтузиазмом великой стройки и нашего все растущего могущества. Проклятые изменникам родины, их никому не жаль, они погибнут, как погибнет всякий, кто посмеет остановить сталинский народ на его историческом пути.

Президент Академии Наук СССР
В. КОМАРОВ.

Смерть подлецам!

И вот они стоят перед судом,
Как воплощение подлости и злости,
Бесславной банды мерзкое охвостье,
Изгон в нашем мире молодом.

Вот все они: — лакеи генералов,
Шпики по крови и друзья шпииков —
Серебряков, Сокольников, Муралов,
Двуличный Радек, подлый Пятаков.

Семнадцать их... Как полночь на погосте,
Черна их совесть и в крови рука.
Семнадцать их... И каждый — кость от кости
Блаудивого Иуды-вожака.

Доверье, совесть, честь поставив на кон,
Они вершили гнусные дела.
Со всех помоек мира, как в клоаку,
Грязь вероломства в их сердца стекла.

В делах измены за пояс заткнули
Они мерзавцев всех времен и стран.
Лойола перед ними — мелкий шулер,
Коварный Яго — жалкий шарлатан.

Приказчики коричневого сброда,
Они вредили, прячась в тайниках.
Смотрите, люди: кровь сынов народа
Еще не высохла на их руках!

Прикрыв измену клятвой вероломной,
Врагам страны продавшись без стыда,
Они из строя выводили домы
И под откос пускали поезды.

Торгуя нашим будущим и кровью,
Несли они свинцовую пургу,
Приморье, Приамурье, Приднепровье
Запродавая лютому врагу.

Людской мечте, что стала светлой былью,
Они несли отравленный снаряд,
Конвульсиями злобного бессилия
Стараясь время повернуть назад.

Но то, что взято кровью и трудом,
Кто у народа отобрать посмеет?..
И вот они стоят перед судом —
Предатели, изменники, пигмеи.

Их слово — ложь. Их клятвы — лицемерье.
Их сердце пусто, помыслы черны.
Смерть подлецам, втопавшим в грязь
Доверье
Овеянной победой страны!

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

- 2 стр. ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА — ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ.**
- 3 стр. АЛ. ТОЛСТОЙ** — Сорванный план мировой войны.
Н. ТИХОНОВ — Ослепленные злобой.
К. ФЕДИН — Агенты международной контрреволюции.
Ю. ОЛЕША — Фашисты перед судом народа.
В. ГУСЕВ — Голос страны.
Д. АЛТАУЗЕН — Пощады нет.
- 4 стр. А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ** — Презрение наемникам фашизма.
В.С. ВИШНЕВСКИЙ — К стенке!
И. БАБЕЛЬ — Ложь, предательство, смердяковщина.
Л. ЛЕОНОВ — Террарий.
М. ШАГИНЯН — Чудовищные ублюдки.
С. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ — Эти люди не имеют права на жизнь.
Г. ШТОРМ — Они готовили кабалу для народа.
М. КОЗАКОВ — Шакалы.
В. ИЛЬЕНКОВ — Под маской «литераторов».
- 5 стр. Г. ЛАХУТИ** — Родине.
М. ИЛЬИН, С. МАРШАК — Путь в Гестапо.
В. ЛУГОВСКОЙ — Горе фашистам и их приказчикам.
А. КАРАВАЕВА — Изменники родины, шпионы, диверсанты и лакеи фашизма.
Л. СЛАВИН — Выродки.
Н. ОГНЕВ — Кровавая свора.
А. ПЛАТОНОВ — Преодоление злодейства.
Г. ФИШ — Ответить так, как советовал «Друг народа».
А. БЕЗЫМЕНСКИЙ — Наш вердикт.
В. ШКЛОВСКИЙ — Эпилог.
- 6 стр. К. ФИНН** — Есть ли большее предательство?
Б. ЛАВРЕНЕВ — Их судит вся страна.
А. МАЛЫШКИН — Из дневника
СКИТАЛЕЦ — Торговцы кровью.
Д. МИРСКИЙ — Чужеродный сор.
Е. ДОЛМАТОВСКИЙ — Мастера смерти.
Р. ФРАЕРМАН — Мы вытащим их из щелей на свет.
Б. РОМАШОВ — Изменникам — суровый приговор.

27 января 1937 года:

Газета «Известия»:

Предатели

Н. ЗАБОЛОЦКИЙ

Как?! Распродать страну?! Чтоб под сапог гер-
манский
Все то, что создано работою гигантской,
Всем напряженьем сил, всей волею труда, —
Колхозы, шахты, стройки, города, —
Все бросить, все продать?! Чтоб на народном теле
Опять они, как вороны, сидели!
Чтобы нагайка снова по спине
Пошла гулять! Чтобы по всей стране
Застенки выросли! Чтоб фабрики, заводы,
Колхозы, шахты, пашни, пароходы —
Все снова им, на выбор, с молотка!
Нет, руки коротки. Здесь мы живем пока.

Здесь мы живем. Здесь, в этой части света
Ударил гром, чтоб потряслась планета —
Наш первый гром, предшественник громов.
Сквозь бедствия войны, переполох умов,
Сквозь горе человеческое, муку
Мы пронесли великую науку —
Науку побеждать, чтоб был у власти Труд,
Науку строить так, как в песнях лишь поют,
Науку веровать в людей и, если это надо, —
Уменье заклеить и уничтожить гада.

Ленинград.

Мы требуем беспощадной расправы с подлыми предателями нашей великой родины

Научные работники Советского Союза с чувством возмущения и великого гнева узнали о чудовищных преступлениях презренных троцкистов — гнусных изменников родины, предательская деятельность которых распутывается сейчас советским судом.

Продавшись фашистам, сговорившись с дипломатами и генеральными штабами некоторых агрессивных империалистических государств, презренная кучка человеческих выродков, прислужников фашистских людоедов, руководимая агентом гестапо — бандитом Троцким, продавала нашу социалистическую родину и ее богатства злейшим врагам человеческого прогресса.

Гнусные предатели организовали покушение на лучших людей современной эпохи, руководителей первого в мире социалистического государства, организовали чудовищные вредительские акты на социалистических заводах, шахтах и железнодорожном транспорте, убивали наших героев-стахановцев, наших славных доблестных красноармейцев, обворовывали советское государство, чтобы содержать свору троцкистов и финансировать их преступную работу.

Стремясь подорвать военную и хозяйственную мощь великой страны социализма, презренная кучка реставраторов капитализма пыталась облегчить фашистам осуществить свои замыслы о захвате территории СССР, о восстановлении капитализма. Они мечтали о возврате власти в нашей стране капиталистам, о ликвидации колхозов и совхозов, о закабалении советского народа, о насаждении безработицы, нищеты и голода, они хотели лишить советский народ великих завоеваний, запечатанных в Сталинской Конституции.

Мы требуем от нашего советского суда беспощадной расправы с подлыми предателями! Мы требуем уничтожения презренных выродков!

Мы требуем также до конца расследовать участие правых отщепенцев — Бухарина, Рыкова, Угланова — в преступной деятельности троцкистов и привлечь их к самой суровой ответственности.

Научные работники отдадут все свои знания и силы для дальнейшего, еще более ускоренного роста и процветания нашей великой социалистической родины, для дальнейшего укрепления мощи Красной армии — верного стража советских границ.

Научные работники вместе со всем советским народом еще теснее сплотятся вокруг коммунистической партии, ее Центрального комитета и любимого вождя и друга товарища Сталина!

Президент Академии наук —
академик **В. КОМАРОВ.**

Председатель ЦБ ВАРНИТСО —
академик **А. БАХ.**

Председатель ЦК союза работников высшей школы и научных учреждений — проф. **П. ВАЛЕСКАЛН.**

Председатель Центрального совета секции научных работников —
академик **Б. КЕЛЛЕР.**

Академики: **А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ, Н. ВАВИЛОВ, Н. ГОРБУНОВ, И. ГУБКИН, Г. КРЖИЖАНОВСКИЙ, А. ТЕРПИГОРЕВ.**

Заслуженные деятели науки: профессор **Н. ОБРАЗЦОВ**, профессор-орденоносец **Е. ПАВЛОВСКИЙ**, профессор **А. СПЕРАНСКИЙ.**

Профессора: **В. ВЕГЕР, В. ВЫСОЦКИЙ, П. ЗДРИДОВСКИЙ, Б. ЛАВРЕНТЬЕВ, И. РАЗЕНКОВ, Г. ФЕДОРОВ.**

* * *

Газета «Правда»:

РАССТРЕЛЯТЬ ОЗВЕРЕВШИХ ТРОЦКИСТСКИХ БАНДИТОВ

(Из резолюции митинга работников московского машиностроительного завода «Борец»)

По прямым указаниям обер-предателя Троцкого антисоветский троцкистский центр организовал диверсионные и террористические акты на предприятиях, имеющих исключительное оборонное значение, и подготовил террористические акты против руководителей партии и советского правительства.

Презренные наемники фашизма по прямым указаниям Троцкого осуществляли шпионаж в пользу фашистских государств и готовили военный разгром нашего государства.

Нельзя передать словами гнусность предателей перед судом негодяев.

Пятаков, находясь в Берлине по делам советского государства, пал так низко, что по немецкому паспорту, полученному в фашистской охранке, поехал на немецком самолете на свидание к Троцкому, чтобы лично договориться о кровавых преступлениях против народа.

Сокольников, пользуясь высоким положением заместителя наркома иностранных

дел, вел в служебном кабинете переговоры с агентами иностранных государств об измене родине...

Одичавшая в фашистских преступлениях свора троцкистов разоблачена как прямая агентура империалистов, ополчившаяся на социализм, чтобы восстановить свергнутую девятнадцать лет назад власть капитала, чтобы вернуть колхозную землю помещикам, фабрики и заводы — буржуазии.

Бдительность народа и карающий меч революции — боевые чекисты органов НКВД разрушили злодейские замыслы Троцкого и его гадов.

Социалистический строй утвердился в нашей стране незыблемо, бесповоротно. Ни к кому не повернуть историю назад, никогда не вернется власть помещиков и капиталистов.

Каждый, кто осмелится стать нам поперек дороги, будет, подобно троцкистско-энкавевским бандитам, стерт с лица земли.

Мы требуем расстрела фашистской своры.

28 января 1937 года:

М. Пришвин. Дневник. 28 января 1937 г.:

«...Приумолкли дикторы счастья и радости, с утра до ночи дикторы народного гнева вещают по радио: псы, гадуки, подлецы, и даже из Украины было: подлюка Троцкий. У нас на фабрике постановили, чтобы не расстреливать, а четвертовать, и т. п.».

Газета «Правда» через четыре дня после начала московского процесса среди других истеричных требований смерти обвиняемых напечатала письмо, озаглавленное: «Мы требуем беспощадной расправы с подлыми изменниками нашей великой родины». Как и прочие подобные письма, оно не содержало никаких фактов, а было только наполнено бранью и угрозами. Письмо это подписали академики: химик А. Бах, растениевод Б. Келлер, геолог И. Губкин, паразитолог Е. Павловский, строитель локомотивов В. Образцов, физиолог А. Сперанский, математик М. Лаврентьев, эпидемиолог П. Здоровский. Они в один голос требовали: убить, раздавить, растоптать. Третьим по счету автором значился Николай **Вавилов**. Думал ли он, что почти ровно через шесть лет он сам, став «врагом народа», будет умирать на тюремной койке?

В архиве ЦК КПСС чудом сохранился документ от 28 января. Это — проект приговора по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра». Он был составлен председателем Военной коллегии Верховного суда СССР Ульрихом и адресован в ЦК ВКП(б) на имя Н.И. Ежова для согласования. Обращение высшего судебного органа в партийную инстанцию, более того, к наркому внутренних дел (по совместительству и секретарю ЦК), наглядно показывает, кто вершил правосудие. И, видимо, неслучайно, что в тот же день «Правда» опублико-

вала информацию о том, что Николаю Ежову присвоено звание генерального комиссара государственной безопасности.

* * *

Газета «Известия»:

ОНИ ЗАСЛУЖИЛИ СМЕРТЬ

Мы требуем уничтожить гнусных фашистских наемников—Пятакова, Радека, Сокольников и других, готовивших реставрацию капитализма в нашей социалистической стране.

Трудящиеся всего мира никогда не забудут чудовищных преступлений Троцкого и его шайки. Мы требуем также привлечь к суровой ответственности Бухарина и Рыкова, которые были связаны с троцкистской бандой. Все, кто был связан с грязными преступниками-троцкистами, должны понести тяжелую, заслуженную кару.

Среди нас, в нашем коллективе, находился и творил свое гнусное дело выродок Сокольников. Это говорит о том, что наша бдительность была недостаточна. Извлечем все уроки из этого!

(Из резолюции, принятой на митинге работников Наркомлеса СССР).

* * *

Газета «Известия»:

ГНУСНЫЕ ПОДОНКИ

День за днем советский суд все шире разворачивает черный свиток чудовищных преступлений этих взбесившихся псов фашизма.

Худшие из уголовных преступников, у которых руки всегда в человеческой крови,—это только бледные тени в сравнении с теми, кто сидит сейчас на скамье подсудимых.

Организация террористических актов против любимых вождей народа, измена родине, гнуснейшее вредительство, шпионаж, массовые убийства лучших представителей рабочего класса, казнокрадство, распродажа страны оптом и в розницу, взрывы на шахтах и рудниках, двурушничество, возведенное в систему, бесконечная цепь провокаций и злобного предательства,— это далеко не полный список тех чудовищных подлостей, о которых сейчас на суде с таким гнусным цинизмом и откровенностью повествуют озверевшие мерзавцы.

Нет таких слов на человеческом языке, чтобы полностью выразить чувство негодования и презрения к этим подонкам человеческого общества.

Но есть сейчас единое требование у всех советских людей, любящих свою родину и свободу, это — требование

раз и навсегда беспощадно раздавить фашистскую гадину, очистить советскую землю от троцкистской нечисти.

Но есть сейчас один призыв, который объединяет миллионы сердец всех советских народов. Это — призыв еще больше сплотиться вокруг руководителей партии и правительства, вокруг любимого и родного вождя народов — товарища Сталина!

Заслуженные деятели искусств:

А. Герасимов, С. Герасимов, Н. Юон, Д. Моор, Лансере, Е. Кацман, И. Павлов, И. Машков, И. Грабарь, М. Черемных, Д. Штеренберг.

Художники: **Фаворский, Перельман, Ф. Мадоров, Соколов-Скаля, Суворов, Вольтер, Каневский, Баншнеев, Иогансон, Малаев, Крайнов, Веселовский, Осипов, Радимов, Ряжский.**

Скульпторы: **И. Шадр, С. Тавасиев, И. Чайков, Б. Мухина, И. Менделеев, И. Ефимов, С. Лебедева, С. Меркуров, Г. Мотовилов, Г. Нерода, Б. Домагацкий, С. Алешин, В. Ватагин, А. Зеленский, Д. Шварц, Л. Белашов, А. Тенета.**

29 января 1937 года:

Газета «Известия»:

Верные псы гестапо

(Резолюция рабочих московского завода «Каучук»)

Фашистские «фюреры» нашли себе верных псов в лице Пятакова, Радека, Сокольников, Серебрякова, Муралова и всех, кто с ними. Но враги просчитались! Сильна и могуча наша великая родина, и горе тем, кто поднимает руку на наших вождей, на наши фабрики, заводы и стройки, на стахановцев шахт и предприятий. Изменники и предатели будут сметены с лица земли стальной рукой пролетарского правосудия!

Мы требуем расстрела предателей революции — Пятакова, Радека, Сокольников, Муралова, Серебрякова и всей их гнусной своры! Но этого мало, — перед пролетарским судом должны предстать и союзники троцкистских бандитов — правые отщепенцы во главе с Бухариным.

Еще больше укрепим большевистскую бдительность, еще упорнее будем бороться за нашу радостную, счастливую жизнь!

Да здравствует большевистская партия, да здравствует наш любимый вождь, организатор социалистических побед — товарищ Сталин!

С У-Д НАРОДА

Мы приняли Великую Сталинскую Конституцию, как благороднейший договор свободного народа между собой. Весь народ, как один, принял ее — она стала его плотью и кровью. И по ней народ будет судить врагов своей родины.

131 статья говорит: «лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа» и

133 статья — «измена родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж — караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние».

Так вот — суд народный так и делает со злодеями, которым нет названия, — он лишит их жизни.

И пусть помнит оставшееся в живых и притаившееся в нашей стране зверье, что оно не скроется от грозного народного суда.

Народ, как один, встанет на защиту своей родины — свободной и счастливой и уничтожит всю эту звериную нечисть, продающую нашу родину.

Народный артист Союза ССР
И. МОСКВИН.

* * *

Газета «Правда»:

ПОДЛЫХ ИЗМЕННИКОВ РАССТРЕЛЯТЬ

**(Из резолюции собрания рабочих,
инженеров и служащих Дорогомилловского
химического завода им. Фрунзе, Москва)**

Проклятие презренным наменникам родины — мерзавцам Пятакову, Радеку, Сокольникову, Серебрякову и всем негодям, сидящим на скамье подсудимых!

По заданиям кровавого пса Троцкого они организовали шпионаж, вредительство на важнейших предприятиях, убивали рабочих и красноармейцев, готовили диверсионные акты, чтобы ослабить оборону нашей страны. Но не только этим ограничивались их преступные действия. По заданиям Троцкого они пытались организовать покушения на руководителей партии и советского государства, на товарищей Сталина и Молотова.

Пятаков и Ратайчук, стоявшие во главе химической промышленности, разрабатывали чудовищные планы разрушения предприятий оборонной химии.

Трудящиеся Дорогомилловского химического завода просят советский суд применить к этим выродкам высшую меру наказания — расстрел.

Газета «Лесная промышленность»:

ТРУДЯЩИЕСЯ МОСКВЫ ПРИВЕТСТВУЮТ товарища ЕЖОВА

Трудящиеся заводов и фабрик Москвы приветствуют постановление правительства о присвоении Наркому внутренних дел товарищу Ежову звания Генерального Комиссара Государственной Безопасности. Рабочие орденоносного завода им. Орджоникидзе обратились к тов. Ежову с письмом, в котором пишут:

«Ленинско-сталинская большевистская бдительность, подлинно пролетарская классовая ненависть ко всем врагам партии и советской власти, Ваша преданность делу пролетарской революции и партии Ленина — Сталина помогли Вам вскрыть и разоблачать презренную банду троцкистских псов фашизма, убийц и предателей Родины — Пятакова, Радека, Сокольников, Серебрякова и других.

Дорогой Николай Иванович! Мы заверяем Вас, что коллектив рабочих, служащих и инженерно-технических работников завода им. Орджоникидзе, как и все честные трудящиеся нашей Родины, обещают Вам полную поддержку в Вашей большой и ответственной работе по разоблачению врагов партии, врагов Родины, врагов революции».

«Мы хотим сегодня, — пишут в своем письме к тов. Ежову рабочие и работники швейной фабрики им. Клары Цеткин, — когда проходит процесс над полнейшей троцкистской бандой — вынести Вам большое спасибо граждан СССР за большевистскую работу, за сталинскую бдительность, которую проявили Вы и руководимый Вами НКВД — верный страж

завоеваний и побед нашей социалистической Родины. Мы живем под знаменем Сталинской Конституции в стране, построившей социалистическое государство. Но мы знаем и видим, что чем больше успехов имеет наша страна, тем больше подлости готовит враг против нашей Родины.

Приветствуя Вас с присвоением Вам звания Генерального Комиссара Государственной Безопасности, мы уверены, что железная рука нашего НКВД вытаскивает всех гадов, мешающих нашей борьбе за счастливую и радостную жизнь».

Рабочие, служащие и инженерно-технические работники завода им. Фрунзе в письме к тов. Ежову пишут:

«Горячей любовью и пламенной благодарностью наполнены наши сердца к славному Наркомвнутделу, мужественным чекистам и Вам, их славному руководителю, верному соратнику товарища Сталина. Бдительное око чекистов, их железная рука не раз обезоруживали злобных врагов нашей Родины. Полные сообщники Шуды-Троцкого, озверелые агенты фашистских охранок, вся эта омерзительная троцкистская банда превзошла самые черные примеры измены, предательства и двурушничества. Враги просчитались. Чекисты железного Феликса будут и впредь бдительно и зорко охранять спокойствие граждан нашей Родины, жизнь наших любимых вождей, нашего дорогого товарища Сталина».

ЦИК СССР принял решение о переводе генерального комиссара госбезопасности Генриха Ягоды в запас. Ягода, в сентябре 1936 года отстраненный от руководства НКВД и назначенный наркомом связи, не мог не почуять опасность: высокое специальное звание, оставленное ему в утешение при переводе, если и не гарантировало прежних должностных званий, то, во всяком случае, являлось прочным связующим звеном с высшими структурами власти. Но

теперь разрывалось и оно. Кроме того, в решении ЦИК ясно просматривался и подтекст: о нем не забыли, опала продолжается. 3 апреля пришли и за Ягодой.

30 января 1937 года:

В Москве завершился восьмидневный открытый политический судебный процесс по делу придуманного чекистами «Параллельного антисоветского троцкистского центра». Все обвиняемые признались в инкриминировавшихся им преступлениях. После окончания последнего заседания подсудимых отвезли в тюрьму, но глубокой ночью внезапно разбудили, вывели из камер, погрузили на машины и снова доставили в здание суда. В 3 часа утра Ульрих объявил приговор. В приговоре утверждалось, что «Параллельный центр ставил своей задачей свержение советской власти и для достижения этой цели развернул по всей стране вредительско-диверсионную, шпионскую и террористическую деятельность». 13 человек были приговорены к расстрелу (в том числе Пятаков, Серебряков, Муралов), трое к десяти годам (Григорий Сокольников и Карл Радек) и один к восьми годам тюремного заключения.

Наряду с известными всей стране людьми на скамье подсудимых сидели и обычные хозяйственные работники. В частности, двое из 17 подсудимых работали в Наркомате путей сообщения под руководством Лазаря Кагановича и, несомненно, попали за решетку не без его участия. Их «признания» на суде выглядели как отчеты провинившихся хозяйственных работников. Например, заместитель Кагановича Яков **Лифшиц** говорил: «Несмотря на огромную созидательную и творческую работу, которую проделал Лазарь Моисеевич за полтора с небольшим года по работе на транспорте, в сознании ряда работников и большого числа специалистов не изжито понятие, что без крушений и аварий на транспорте работать нельзя, что крушения и аварии являются неизбежным следствием и спутником сложного производственного процесса на транспорте». Лифшица приговорили к расстрелу. «За что?» – это были его последние слова. Ответа не последовало.

Когда объявили приговор, 200-тысячная толпа была собрана на Красной площади при температуре 27 градусов мороза, чтобы выслушать речи 1-го секретаря Московской городской и областной партийной организации Н.С. Хрущева и 1-го секретаря ВЦСПС Н.М. Шверника и провести «стихийную демонстрацию против осужденных». Демонстранты несли плакаты, требовавшие немедленного приведения приговоров в исполнение. Власти с готовностью пошли «навстречу пожеланиям трудящихся». Казнь была совершена 1 февраля.

Реабилитировали участников этого процесса поэтапно: некоторых в 1963-м; Муралова и Серебрякова – только в 1986 году, Радека, Сокольникова, Пятакова и Лившица – в 1988 году. Жизнь Радеку и Сокольникову сохранили не просто так: уже через три недели их доставили на февральско-мартовский пленум ЦК, где они выступили с разоблачительными показаниями против Бухарина и Рыкова, и в недрах НКВД начали готовить следующий процесс. Если эти показания Радека и Сокольникова были платой за жизнь (или, скорее, за безопасность близких), то их надежды не оправдались: в мае 1939 года Сокольников и Радек были убиты в тюрьме, – по официальной версии, сокамерниками. А все их родные и близкие на долгие годы попали в лагерь.

Французская газета «Эко де Пари» писала в этот день: «Низколобый грузин стал, сам того не желая, прямым наследником Ивана Грозного, Петра Великого и Екатерины II. Он уничтожает своих противников-революционеров, верных своей дьявольской вере, снедаемых постоянной невротической жадой разрушения».

Для справки

Георгий (Юрий) Леонидович Пятаков (1890–1937) до 1917 года выдвинулся в число видных революционеров-большевиков. Он часто не соглашался с Лениным, особенно в вопросе о «самоопределении наций», считая, что «независимость наций совершенно невозможна, да

и никому не нужна». В дни большевистского переворота возглавлял Совет рабочих депутатов и Киевский Военно-революционный комитет, возглавлял Временное рабоче-крестьянское правительство Украины (1918), был заместителем председателей Госплана РСФСР и ВСНХ. Верный сторонник Льва Троцкого, он участвовал во всех оппозиционных течениях, за что в 1927 году был исключен из партии и «сослан» в Париж возглавлять советское торговое представительство. В 1928 году покаялся, был восстановлен в партии и возглавил Госбанк СССР (1928–1931). Работал заместителем наркома тяжелой промышленности СССР (Серго Орджоникидзе), был членом ЦК ВКП(б) (1931–1936). Жена – Евгения Богдановна Бош (Готлибова, 1879–1925), также видная революционерка, в 1925 году покончила жизнь самоубийством в московской тюрьме, в связи с полным расстройством здоровья и разочарованием в партии.

Леонид Петрович Серебряков (1890–1937) был секретарем МК РКП(б) (1917–1919), секретарем ЦК ВКП(б) (1919–1921), заместителем наркома путей сообщения (1922–1924), избирался членом ВЦИК (секретарь Президиума в 1919–1920) и ЦИК СССР. Единственный человек, который в 1925 году с трибуны XIV съезда ВКП(б) поддержал категорическое требование Льва Каменева об отставке Иосифа Сталина с поста генерального секретаря. Обе его жены – актриса Вахтанговского театра Татьяна Михайловна Серебрякова (Паппе, 1910–1992) и писатель Галина Иосифовна Серебрякова (1905–1980) – свои лучшие годы провели в ГУЛАГе.

Не менее известными людьми были и остальные осужденные.

* * *

Газета «Правда»:

ЛИОН ФЕЙХТВАНГЕР

Первые впечатления об этом процессе

С удовлетворением можно констатировать, что процесс антисоветского троцкистского центра пролил свет на мотивы, заставившие подсудимых признать вину. Тем, кто честно стремится установить истину, облегчается таким образом возможность расценивать эти признания, как улики.

Несомненно, вина подсудимых доказана исчерпывающе. Всякий, кто не проникнут злой волей, должен сверх того признать, что Троцкий играл роль идейного вдохновителя, а в значительной части и фактического организатора действий подсудимых.

Закончившийся процесс представляет величайший интерес с точки зрения психологической, политической и исторической.

Что касается его психологической стороны, то процесс вскрыл, если не полностью, то в значительной мере, мотивы, в силу которых подсудимые совершили свои чудовищные деяния. Процесс показал многие из тех извращенных путей, по которым эти люди, — а некоторые из них были когда-то честными, фанатичными революционерами, — докатились до того, что стали всеми средствами разрушать строительство социализма в их стране.

Однако западно-европейским людям не до конца ясны причины и исходные мотивы деяний подсудимых и их поведение на суде. Преступления большинства

этих людей заслуживают смертной кары. Но ругательными эпитетами и бурным возмущением, как бы они ни были понятны, не раскрыть до конца души этих людей. Только перо большого советского писателя может объяснить западно-европейским людям преступление и наказание подсудимых.

Вызывает удовлетворение ясность политического результата процесса. Он разбил троцкизм внутри СССР и за границей.

Если взглянуть на процесс с исторической точки зрения, то он представляется как зарево, которое яснее, чем многие события последних двух лет, показало, насколько угрожающе фашизм приблизил весь мир к войне. Только исходя из уверенности в том, что война неизбежна, можно объяснить деяния, совершенные подсудимыми. Раскрыв эти деяния, процесс тем самым вынул из рук фашистов одно из важнейших орудий. Факты, установленные на этом процессе, естественно повышают бдительность антифашистов и тем самым усиливают риск для фашистов. Только этот риск и удерживает фашистов от развязывания войны.

Наконец процесс показывает всем, кто еще не сделал выбора, — куда ведет путь заигрывания с реакционерами. Процесс показал: путь направо — это путь к войне. В том, что и как он это показывает, в этом — исторический смысл процесса. Он создал новый барьер против войны.

* * *

Газета «Известия»:

СПАСИБО ПРОЛЕТАРСКОМУ С У Д У

Как колокол набатный, прогудела
Страна, от возмущения дрожа.
Спасибо вам, бойцы Наркомвнудела,
Республики великой сторожа!
Предателей блудливая порода
Грозить не будет жизни и труду.
От всей души советского народа
Спасибо пролетарскому суду!

Василий ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ.

Леонид Петрович Серебряков

ОНИ ПОЛУЧИЛИ ПО ЗАСЛУГАМ

Закончился судебный процесс диверсантов, террористов, шпионов, поджигателей, убийц, подлых изменников и продавцов родины, агентов врага народа Троцкого, агентов гестапо и японской разведки.

Все дни процесса трудящиеся нашей дорогой цветущей родины с напряженным вниманием следили за судебным разбирательством. Какие жуткие картины вставали перед нашими глазами, когда эти бандиты перечисляли все свои отвратительные, вопиющие преступления.

Прокурор Союза ССР тов. А. Я. Вышинский в своей речи, насыщенной неопровержимыми фактами, выразил волю всего народа. В бурных аплодисментах зала утонули заключительные слова прокурора:

«Я не один! Пусть жертвы погребены, но они стоят здесь рядом со мною, указывая на эту скамью подсудимых, на вас, подсудимые, своими страшными руками, истлевшими в могилах, куда вы их отправили!..»

Мы приветствуем решение пролетарского суда. Расправившись с врагами, мы должны помнить, что осколки разбитого вдребезги могут еще себя проявить. Не все негодяи выловлены. Выше бдительность, товарищи!

Герои Советского Союза:

**А. ЛЯПИДЕВСКИЙ,
В. МОЛОКОВ,
И. ДОРНИН,
М. ВОДОПЬЯНОВ.**

Москва, 1937 год

1 февраля 1937 года:

«Литературная газета»:

МИТИНГ ЖЕН МОСКОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

3 февраля состоится общемосковский митинг жен московских писателей, посвященный процессу над антисоветским троцкистским центром. Докладчики — гг. Фадеев, Никулин. Начало в 7 часов.

Митинг состоится в зрительном зале Союза советских писателей.

8 февраля 1937 года:

Одновременно со все увеличивающимся числом арестов НКВД закручивал гайки в своей лагерно-тюремной империи. Нарком Николай Ежов считал, что режим в ней ослаблен, дисциплина среди заключенных низкая, и уже неоднократно отправлял во все концы страны предписания значительно усилить меры наказания «хулиганствующих заключенных». За «оскорбительные устные высказывания или письменные заявления, а также за иные оскорбительные действия (плевок, ругательства, попытки нанести оскорбления действием)» заключенных предписывалось отправлять в карцер на 20 суток, ужесточать режим содержания, переводить в тюрьму с более строгим режимом, предавать суду.

В этот день Ежов подписал очередной приказ: предать суду большое число «содержащихся в тюрьмах ГУГБ осужденных на различные сроки заключения, приславших мне в связи с введением нового тюремного режима и процессом оскорбительные заявления». Архивы не сохранили ни одного из таких посланий, да и трудно себе представить, что кому-то из заключенных позволили отправить «оскорбительное заявление» в адрес всемогущего «кровожадного карлика». Но, похоже, в тюрьмах и лагерях все же находились люди, активно сопротивлявшиеся неумолимой мясорубке, которые в глаза говорили своим мучителям-следователям то, что думали.

9 февраля 1937 года:

В связи с громкими московскими политическими процессами, на которых видные большевики были приговорены к смертной казни за связь с «извергом» Львом Троцким, в Нью-Йорке состоялся многотысячный митинг, организованный американским комитетом защиты Троцкого. Предполагалось, что Лев Давидович, находившийся в это время в Мексике, выступит по телефону, но телефонная связь сорвалась — как выяснилось впоследствии, это было сделано умышленно телефонисткой-сталинисткой. После долгого ожидания речь Троцкого зачитали. Соратник Ленина потребовал создания авторитетной международной комиссии по

расследованию обвинений московских процессов. «Если эта комиссия признает, – говорилось в речи, – что я виновен хотя бы в небольшой части тех преступлений, которые взваливает на меня Сталин, я заранее обязуюсь добровольно отдаться в руки палачей из ГПУ... Но если комиссия установит, что московские процессы – сознательный и преднамеренный подлог, построенный из человеческих нервов и костей, я не потребую от своих обвинителей, чтобы они добровольно становились под пулю. Нет, достаточно будет для них вечного позора в памяти поколений! Слышат ли меня обвинители в Кремле? Я им бросаю свой вызов в лицо. И я жду от них ответа!.. Дело идет не о личном доверии. Дело идет о проверке! Я предлагаю проверку! Я требую проверки!» Собравшиеся почти единодушно приняли резолюцию о создании следственной комиссии.

11 февраля 1937 года:

В Ленинграде арестован выдающийся советский физик-теоретик, профессор и член-корреспондент АН СССР Владимир Александрович Фок (с 1939 года – академик). После нескольких дней содержания под следствием в ленинградских «Крестах» ученого под конвоем отправили поездом в Москву. В столице Фока доставили в кабинет наркома внутренних дел Николая Ежова, который после нескольких ничего не значащих фраз объявил физику, что тот свободен. Счастливым исходом дела Фок был обязан энергичному заступничеству влиятельного Петра Леонидовича Капицы, который на следующий день после ареста Фока направил письма Иосифу Сталину и Валерию Межлауку, в то время зампреду СНК, зампреду Совета Труда и Оборона и председателю Госплана СССР (в июле 1938 года он был расстрелян как «враг народа»). Капица, в частности, написал Сталину: «Таких ученых, как Фок, у нас мало, и им Союзная наука может гордиться перед мировой наукой, но это затрудняется, когда его сажают в кутузку...»

* * *

Арестован профессиональный революционер-большевик, советский партийный деятель 60-летний Авель Сафронович **Енукидзе** (1877–1937). Родился в селении Цхадиси Кутаисской губернии, рабочий-путеец, ставший одним из создателей Бакинской организации РСДРП (1900), и руководитель знаменитой большевистской типографии «Нина» (1900–1906). Член партии с 1898 года, участник Февральской и Октябрьской революций. Он пережил неоднократные аресты, ссылку в Енисейскую губернию (1914–16). В 1917 году он был членом ВЦИК, Петроградского совета и исполкома. В 1918–1935 – секретарь и член Президиума ВЦИК и ЦИК СССР. Член ЦКК ВКП(б) (1924–1934) и ее Президиума (1927–1934), член ЦК ВКП(б) (1934–1935). Затем был переведен на пост председателя ЦИК Закавказской СФСР.

Он был крестным отцом второй жены Иосифа Сталина Надежды Аллилуевой и самым близким другом Иосифа Виссарионовича со времен юности. «Неформальный завхоз», обслуживавший кремлевскую знать, Енукидзе не привык обделять и себя, а утвердившись в «кураторах» Большого театра, превратил его балет в собственный гарем. О его пристрастии к роскоши, женщинам и девочкам 9–11 лет ходили легенды. 6 июня 1935 года Авель Сафронович был исключен из партии «за политическое и бытовое разложение» и назначен директором Харьковского областного автомобильного треста. Хотя, если судить по воспоминаниям некоторых современников, «разложение» Енукидзе в 1935 году было полной для них неожиданностью.

Енукидзе 29 октября был приговорен к высшей мере наказания (ВМН) как «руководитель кремлевской группы заговорщиков» и расстрелян на следующий день. Если учесть, что в сталинские времена высокопоставленных деятелей за любовь к красивой жизни не расстреливали, то можно предположить только одно: Авелю Сафроновичу, одному из создателей Бакинской организации РСДРП, прекрасно знавшему каждого большевика на Кавказе, было

известно об Иосифе Виссарионовиче нечто, что никак не укладывалось в рамки уже сложившейся легенды о начале революционной деятельности Сталина.

15 февраля 1937 года:

В Казани арестована Евгения Семеновна **Гинзбург**, мать писателя Василия Аксенова, автор лагерных мемуаров «Крутой маршрут». Арестовали ее в местном отделе НКВД, куда пригласили «буквально на полчаса», чтобы дать показания на уже арестованного коллегу по университету. Так начался ее 18-летний путь по лагерям и тюрьмам.

16 февраля 1937 года:

Решением Особого совещания к высылке приговорены первые 10 немецких антифашистов. Аресты немцев-антифашистов, проживавших в СССР, начались в сентябре 1936 года. Всего было арестовано 1136 человек. Точно известно, что 82 человека были казнены, 197 умерли в тюрьмах или лагерях, 150 выжившим осужденным удалось после истечения срока покинуть СССР. Судьба 666 человек неизвестна вообще; полагают, что они умерли в заключении. Одним из идеологических мотивов для оправдания их ареста было обвинение в том, что они не смогли помешать Гитлеру прийти к власти. Судьба некоторых из этой первой десятки высланных известна (их при аресте, между прочим, обвинили в шпионаже и фашистской деятельности): Вильгельм **Пфейфер**, зная, что как коммунист он будет арестован тотчас по возвращении в Германию, старался добиться, чтобы его выслали в Великобританию. В августе 1938 года Пфейфера отвезли на польскую границу, и там его следы теряются. Артуру Тило удалось попасть в британское посольство в Варшаве. Отто **Вальтер** приехал в Берлин 4 марта 1937 года и на следующий день, не дожидаясь ареста гестапо, выбросился из окна.

Если эту первую высылку можно считать «либеральной», то остальные происходили так: посол Германии в СССР фон Шуленбург вручал советским властям списки арестованных немцев (а позже и австрийцев, чья высылка объявлялась желательной), и советские конвоиры на границе передавали конвоирам немецким антифашистов по списку. Таким образом, в 1937–1938 годах было передано 693 человека. После заключения в 1939 году советско-германского договора советская сторона выдала от 550 до 650 немецких и австрийских коммунистов. Практически все они погибли в гестапо или в гитлеровских концлагерях.

18 февраля 1937 года:

Покончил с собой виднейший советский государственный и партийный деятель Григорий Константинович (Серго) **Орджоникидзе** (1886–1937), фельдшер, ставший крупным деятелем ВКП(б) и Советского государства. Пройдя все трудности революционного пути (ссылки, побег, тюрьмы, борьбу за установление советской власти и достижение ее), он поочередно трудился: 1-м секретарем Закавказского и Северо-Кавказского крайкомов партии (1922–1926), председателем ЦКК ВКП(б), наркомом РКИ и первым заместителем Алексея Рыкова по Совнаркому (1926–1930), председателем ВСНХ (1930–1932), членом Политбюро ЦК (1930–1937) и наркомом тяжелой промышленности (1932–1937).

Григорий Константинович (Серго) Орджоникидзе

Серго был искренним, невероятно работоспособным, честным и наивным большевиком. Мог ворваться к Сталину и горячо требовать освобождения из-под стражи очередного арестованного своего заместителя, а мог, взобравшись на трибуну, клеймить «врагов народа и саботажников». После очередного, по-кавказски горячего (на грузинском языке) разговора с Кобой, Серго 18 февраля 1937 года выстрелил в себя из пистолета. Известно, что вождь поручил ему сделать на пленуме доклад «О вредительстве в тяжелой промышленности» и ему пред-

стояло своими руками отдать на заклание многих соратников, а помимо этого, в день трагического выбора люди Ежова передали ему протокол допроса его брата Папулия... Сталин распорядился написать в некрологе, что «сталинский нарком умер от разрыва сердца». Все подписавшие официальное медицинское заключение о смерти от паралича сердца, в том числе и нарком здравоохранения СССР Григорий **Каминский**, были расстреляны.

Кроме официальной версии существуют еще предположения об отравлении и убийстве. Все версии имеют право на существование, но ни одна до сих пор не признана. Тело Орджоникидзе было кремировано, поэтому «вскрытие покажет» – не про тайну этой смерти.

19 февраля 1937 года:

Арестованы бывший начальник кафедры политэкономии Военно-политической академии имени Толмачева, бригадный комиссар Павел Лазаревич **Булат** и бывший заместитель начальника этой же академии, дивизионный комиссар Илья Соломонович **Нижичек**, работавший начальником Центрального дома Красной армии, а с 1935 года – директором Большого театра. Нижичка в августе 1937 года «за создание троцкистской террористической группы в ГАБТе» приговорили к ВМН и расстреляли. При его реабилитации в 1959 году даже тертые юристы качали головами. Нижичек уже 25 февраля заявил: «Теперь мне стало ясно, что я являлся участником сборищ контрреволюционной троцкистской группы». Копию же этого протокола сфальсифицировали, в ней вместо слов «Теперь мне стало ясно...» было написано: «Признаю, что я являлся участником сборищ контрреволюционной троцкистской группы». В таком виде этот документ в качестве неоспоримого доказательства предъявили Булату и подписали к его делу. Булата, разумеется, тоже расстреляли.

20 февраля 1937 года:

Еще до открытия пленума ЦК ВКП(б) заместитель председателя Верховного суда СССР и председатель Военной коллегии Верховного суда В.В. Ульрих издал приказ: «В целях усиления контроля за правильностью решений Военными трибуналами дел о контрреволюционных преступлениях приказываю: 1. Все дела о контрреволюционных преступлениях, по которым выносятся оправдательные приговоры или производство по которым прекращено..., представлять в 7-дневный срок... в Военную коллегия Верховного суда СССР для рассмотрения в порядке судебного надзора... 2. Все дела о контрреволюционных преступлениях, по которым вынесены оправдательные приговоры или определения о прекращении, взять на особый учет».

22 февраля 1937 года:

На похоронах Серго Орджоникидзе у Кремлевской стены 1-й секретарь Московского городского и областного комитетов ВКП(б) Н.С. Хрущев говорил: «Это они своей изменой, своим предательством, шпионажем, вредительством нанесли удар твоему благородному сердцу. Пятаков – шпион, вредитель, враг трудового народа, гнусный троцкист – пойман с поличным, пойман и осужден, раздавлен, как гад, рабочим классом, но это его контрреволюционная работа ускорила смерть нашего дорогого Серго».

В докладе на XXII съезде партии, в 1961 году, Хрущев сказал, что он в свое время верил, будто Орджоникидзе умер от сердечного приступа и только «значительно позднее, уже после войны... совершенно случайно узнал, что он покончил жизнь самоубийством». Во всех книгах сталинского периода Орджоникидзе называли «верным учеником и ближайшим соратником великих вождей коммунизма Ленина и Сталина», но любопытно, что в 1942 году города, переименованные в его честь, были без шума переименованы вторично: Орджоникидзеград (в прошлом Бежица), Орджоникидзе (в прошлом Енакиево) и Серго (в прошлом Кидиевка) получили свои прежние наименования, а город Орджоникидзе на Кавказе (в прошлом Влади-

кавказ) получил новое имя – Дзауджикау. По сталинским неписаным правилам это означало потерю расположения вождя.

23 февраля 1937 года:

В Кремле открылся 10-дневный пленум ЦК ВКП(б), один из основных вопросов повестки дня которого был сформулирован в выражении «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских элементов». По сути, пленум дал теоретическое обоснование массовых репрессий, и за повесткой дня скрывался один вопрос – исключение из партии и арест Николая **Бухарина** и Алексея **Рыкова**, что и будет сделано 27 февраля, еще до окончания пленума. Спустя год с небольшим они появятся в качестве обвиняемых на последнем и важнейшем из московских показательных политических процессов, а 15 марта 1938 года будут расстреляны. Когда в день открытия заседания Бухарин и Рыков вошли в зал, кроме Иеронима Уборевича и секретаря ЦИК Ивана Акулова руки им никто не подал. За шесть дней до пленума Николай Иванович, не получая ответа ни на одно из своих писем в Политбюро и Сталину, где страстно отвергал свою причастность к любой враждебной деятельности, от отчаяния объявил голодовку. У ослабевшего Бухарина закружилась голова, и он упал на ковер в проходе, ведущем в президиум.

Какой была атмосфера истерии в стране, которой поддались и вроде бы неглупые старые большевики, говорит такой факт: член ЦК Иосиф Пятницкий, придя с пленума домой, сказал жене, как Бухарин «лежал среди всех, обросший бородой, в каком-то старом костюме, на полу; все уже смотрели на него как на смердящий труп». Сталин бросил в зал: «Бухарин объявил голодовку. Николай, кому ты выдвигаешь ультиматум, Центральному Комитету? Проси прощения у него».

Бухарин на встрече с рабоче-крестьянскими корреспондентами

С докладами «Об уроках вредительства» выступили трое: Вячеслав Молотов, Лазарь Каганович и Николай Ежов. Молотов заявил, что вся страна наводнена врагами и что борьбу с ними нельзя вести обычными средствами. Необходимо создать «тройки», или особые совещания. Каганович поведал о борьбе с врагами в своем наркомате путей сообщения, изложил первые, «пробные» результаты: «Мы в политаппарате дороги НКПС разоблачили 220 человек. С транспорта уволили 485 бывших жандармов, 220 эсеров и меньшевиков, 572 троцкиста, 1415 белых офицеров, 285 вредителей, 433 шпиона». Ежов тоже долго говорил о врагах и в конце произнес: «За несколько месяцев не помню случая, чтобы кто-нибудь из хозяйственников и руководителей наркоматов по своей инициативе позвонил бы и сказал: “Товарищ Ежов, что-то мне подозрителен такой-то человек, что-то там неблагополучно, займитесь этим человеком”. Таких фактов не было. Чаще всего, когда ставишь вопрос об аресте вредителя, троцкиста, некоторые товарищи, наоборот, пытаются защищать этих людей». То есть нарком внутренних дел бросил в глаза собравшимся совершенно недвусмысленную угрозу. Но никто из проголосовавших потом за принятие специального постановления, которое обязывало ведомство Ежова «довести дело разоблачения и разгрома троцкистских и иных элементов до конца с тем, чтобы подавить малейшие проявления их антисоветской деятельности», не осознал, что многие из них становятся заложниками НКВД.

Еще одним важнейшим событием февральско-мартовского пленума 1937 года стало выдвижение Сталиным его знаменитого и зловещего тезиса о том, что «по мере продвижения к социализму классовая борьба будет обостряться». А между прочим, всего двумя месяцами ранее он говорил, что в стране построен социализм и тем самым уничтожена почва, на которой произрастают враждебные элементы. По настоянию Сталина в резолюции пленума был внесен специальный пункт о том, что «тюремный режим для врагов Советской власти (троцкистов, зиновьевцев, эсеров и т. д.) – нетерпим. Он больше походит на принудительные дома отдыха, чем на тюрьмы. Допускается общение, сношения письмами с волей, получение посылок и т. д.». До сих пор так и не обнародован самый первый документ – распоряжение Сталина применять к подсудимым пытки, но можно с уверенностью сказать, что он появился на свет и был разослан на места или сразу после закрытия пленума, или даже во время его работы.

В работе пленума принимали участие и коммунисты РККА, избранные XVII партсъездом членами ЦК ВКП(б) (Клим Ворошилов, Ян **Гамарник**, Иона **Якир**), кандидатами в члены ЦК (Василий **Блюхер**, Семен Буденный, Антон **Булин**, Александр **Егоров**, Иероним **Уборевич**; Михаил **Тухачевский** находился в отпуске и в работе пленума ЦК не участвовал). Кроме того, в качестве гостей на Пленуме присутствовали такие известные военачальники и политработники, как Иван **Белов**, Яков **Алкснис**, Владимир **Орлов**, Петр **Смирнов**, Борис **Фельдман**, Александр **Седякин**. Из всей этой головки военно-партийной элиты своей смертью умрут лишь Ворошилов и Буденный. Гамарник уже через три месяца покончит с собой, Блюхера забьют до смерти в тюрьме, остальные будут расстреляны как «заговорщики и шпионы». Будут репрессированы и многие другие участники пленума (Иван **Акулов**, Иосиф **Пятницкий**, сам **Ежов**). Участники переломного пленума – своеобразного инструктажа по «выкорчевыванию» всех «недостойных», они не только не возражали, не только не сопротивлялись гибельному курсу, но и активно поддерживали этот курс. Как знать, может, в свой предсмертный час многие из них относили к себе слова песни времен Гражданской: «Мы сами копали могилу свою...»

24 февраля 1937 года:

На второй день работы пленума КЦ ВКП(б) Молотов и Каганович выступили с яростными обвинениями против Бухарина. Бухарин ответил резко: «Я не Зиновьев и Каменев и лгать на себя не буду». «Не будете признаваться, – тут же зло ответил ему Молотов, – этим и докажете, что вы фашистский наймит, они же в своей прессе пишут, что наши процессы

провокационные. Арестуем – сознаетесь!» («Вот где мышеловка!» – говорил Бухарин вечером жене.) «В НКВД есть люди, которые, прикрываясь авторитетом партии, творят невиданный произвол», – продолжал Бухарин. «Ну вот, мы тебя туда пошлем, – вмешался Сталин, – ты и посмотришь...» Возможно, в этот же день, возможно, на следующий, Бухарин, уже поняв, что ему грозит, написал свое знаменитое письмо «Будущему поколению руководителей партии», заставил свою молодую жену Анну **Ларину** выучить его наизусть, а оригинал сжег. Вскоре арестовали и Анну Михайловну; их годовалый сын попал в детдом.

Анна Ларина пронесла в своей памяти письмо мужа через 17 лет тюрьмы, лагерей и ссылки и в 1961 году, когда пересматривались процессы 1930-х годов, впервые передала его в ЦК. Ей сказали, что вопрос о реабилитации Бухарина будет решен в ближайшем будущем, однако тогда ни Бухарина, ни Рыкова не реабилитировали. Н.С. Хрущев говорил: «Я сам знаю, что они ни в чем не виноваты, но пока не время...» А «не время» заключалось в следующем. По неписаным правилам КПСС, «ошибаться» могли лишь отдельные ее руководители; сама же партия не ошибалась никогда: пересмотреть решения пленума означало страшную вещь – усомниться в законности решений партии. Реабилитация пришла только в 1988 году; Анна Михайловна дожила до этого времени.

27 февраля 1937 года:

На четвертый день пленума ЦК ВКП(б) А.И. Рыкова и Н.И. Бухарина пригласили на заседание комиссии пленума, посвященное их «делу». Под охраной в зал заседания ввели Сокольников и Радека, которые стали обвинять Бухарина и Рыкова в контрреволюционной и антигосударственной деятельности. Измученный невыносимой обстановкой враждебности и политической изоляции, продолжавшейся уже в течение полугода, Бухарин не выдержал. Ему почудилось, что сейчас во всем разберутся, и он со слезами на глазах произнес сильную и эмоциональную речь. Реакция на нее в зале была достойна пера Шекспира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.